

Д. В. ГРИГОРОВИЧ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Дмитрий Васильевич Григорович

Кошка и мышка

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161183

Д.В. Григорович «Повести и рассказы»: ЖАЗУШЫ; Алма-Ата; 1987

Содержание

I. Осенние виды и мальчик с бочонком	4
II. Семейная радость и приготовления	19
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дмитрий Васильевич Григорович Кошка и мышка

I. Осенние виды и мальчик с бочонком

К концу осени, когда нет еще снега, но утром и вечером начинает порядочно уже подмораживать, выпадают иногда такие ясные, лучезарные дни, что на минуту обманываешься и думаешь: не апрель ли опять на дворе?.. Солнце горит так же ярко, в воздухе столько же блеска, тени на обнаженных холмах так же легки и прозрачны! Недостает только воркования весенних ручейков, запаха земли и песни жаворонка, чтоб подкупить вас совершенно.

В один из таких дней, утром часов около десяти, в околице села Ягодня показался белокурый мальчик лет тринадцати. Мальчик, каких бы то ни было лет и с какими бы то ни было волосами: белыми, черными или рыжими, принадлежит к самым обыкновенным сельским явлениям. Но мальчик, о котором идет речь, заслуживал особенного внимания: он нес за плечами ведерный бочонок, обвязанный старым ку-

шакон, концы которого находились в руках его. Будь за плечами этого мальчика корыто, ушат, связка хворосту, плетеная кошелка с мякиной, пук сена; восседай там другой мальчик – младший братишка, – или болтайся за плечами лапти или даже новые смазные сапоги, ничего бы не было удивительного, но бочонок – особенно с железными обручами и новой точеной деревянной пробкой, воля ваша, такое обстоятельство невольно возбуждало любопытство!

Начать с того, что посудинки этого рода вовсе не в употреблении в крестьянском хозяйстве: нечего класть туда; потом, бочонок не по карману; наконец, известно было, что во всем околотке таким бочонком обладала одна только дьячиха; и то достался Он ей по случаю: одна из приходских помещиц подарила. С какой же стати мальчик этот, не принадлежащий ни с которой стороны дому дьячихи, нес этот бочонок?.. Но мальчика мало, казалось, занимали такие соображения. Выйдя за околицу, он тряхнул бочонок с самым беззаботным видом, перенес концы кушака в левую руку, поправил свободною рукою шапку, которая лезла на глаза, и, весело посвистывая, зашагал по дороге.

Дорога, укатанная недавно еще проезжавшими подводами с овсяными и ржаными снопами, звенела под ногами и лоснилась на солнце, как серый полированный камень. Вправо от нее неоглядно желтели поля, покрытые шершавым жнивьем; слева тянулись крестьянские гумна, обнесенные старым земляным валом, с торчавшими кое-где плетнями и вет-

лами, побросавшими свои листья. Тень от плетней и ветел местами пересекала дорогу, отпечатывая на ней прихотливые узоры инея, который превращался в капли и пропадал, как только убегала тень и прикасались к нему лучи солнца; от канавки, наполненной листом, кустами крапивы и полыни, побелевшими от измороси, несло острой свежестью. Но чем темнее рисовались плетни и стволы ветел, тем ослепительнее сверкали за ними скирды и крыши гумен; чем тише было вправо от дороги, тем шумнее было за ветлами. Там из конца в конец немолчно звучали удары цепа, шумела рожь, падавшая звонкими, сухими зернами на гладко убитый мерзлый ток, слышался говор народа, шелест голубей и крик галок, перелетавших с места на место.

В числах пернатых воробьи, как и всегда, впрочем, отличались особенною егозливостью и трескотнёю. Недаром называют их в простонародье ворами и разбойниками! Глядя, как суетились они, как задирали одиноких галок и как потом тарасили серые свои перышки, когда которая-нибудь из этих птиц выказывала намерение напасть в свою очередь; как обсыпали они тогда соседнюю ветлу и разом принимались пищать и бить крылышками, — можно было думать, что они считали себя здесь полными хозяевами и приходили в такую ярость потому лишь, что защищали собственность.

Такие проделки сильно забавляли мальчика; можно сказать, воробьи сделались даже единственным предметом его внимания, как только ступил он на дорогу. Следя за ними

быстрыми, веселыми глазами, он то ускорял шаг, то замедлял его; каждый раз, как крикливая стая, сделав неожиданный поворот в воздухе, опускалась на макушку ветлы, мальчик припадал к земле и начинал подкрадываться; брови его подымались, и лицо выражало быстроту и лукавство; в чертах и движениях явно проглядывало намерение подкрасться ближе и застать птиц врасплох; но нетерпение всякий раз портило дело: не успев сделать трех шагов, он суетливо свешивал набок свою ношу и принимался стучать камнем в дно бочонка, издававшего при этом какой-то глупый глухой звук.

Бочонок был пуст, — это ясно: иначе быть не могло: одна пустота бочонка могла объяснить прыжки мальчика, легкую его поступь и веселость; не мог бы он в другом случае бегать за воробьями и не стал бы так громко смеяться, когда птицы, испуганные грохотом бочонка, пугливо и врозь разлетались. Мальчик выказывал, впрочем, такой веселый нрав, что мог бы, кажется, смеяться и под более тяжелой ношей. Веселость его проистекала, по-видимому, столько же из нрава, сколько от здоровья и довольства жизнью; от полных щек его, разрумяненных остротою утреннего воздуха, дышало свежестью; в чертах не было следа лишений и преждевременного утомления. Он был в лаптишках, старом полушубке, очевидно принадлежавшем рослому человеку, и шапке, которая, конечно, могла только принадлежать владельцу полушубка; но все это было, однако ж, в порядке; заплат было много; попадались даже заплатки из синего и бурого сукна, но не висели

они лохмотьями, а тщательно обшиты были кругом белыми здоровыми нитками; короче сказать, все показывало очень счастливого мальчика, — мальчика береженого, вволю пичкавшего хлеб и кашу, не лишенного нежных материнских попечений. Уже самая фигура его, крепкая, пышущая здоровьем и похожая издали на медвежонка, ставшего на задние лапы, красноречиво подтверждала такие предположения.

Он продолжал стучать в бочонок и посвистывать до тех пор, пока не миновал гумен. Тут он тряхнул шапкой как-то сверху вниз и без помощи рук надвинул ее на глаза. Солнечные лучи, не заслоняемые ветлами и скирдами, били ему теперь прямо в глаза. Дорога выходила на пологую, ярко освещенную луговину, за которой вдалеке круто вырастал горный уступ, окутанный тенью с левой стороны луговины мелькали последние кровли села; там же, но только несравненно ближе к дороге, возвышалась старая деревянная церковь, обнесенная решеткой. Глубокий воздушный простор за церковью наполнен был ярким солнечным сиянием; от церкви через луг шла длинная тень, в которой точно так же серебрилась изморось, отпечатывая на траве углы колокольни, крест и тонкие полосы решетки.

Мальчик с бочонком продолжал спускаться и посвистывать. Внезапно он замолк и остановился. Посреди мертвой тишины слышались стоны... Они раздались за церковной оградой, где находилось кладбище... Случись такое обстоятельство ночью или даже в сумерки, мальчик бросил бы свой

бочонок и полетел бы без оглядки в село, но теперь он ограничился тем, что стал вслушиваться. Румяное лицо его, исполненное до настоящей минуты рассеянностью и детскою беззаботливостью, осмыслилось выражением внимания. Он свернул с дороги и пошел к церкви. Стоны усиливались и превращались в рыдания. Немного погодя мальчик остановился у ограды; приложив щеки к решетке, увидел он высокого, худощавого мужика, который закапывал могилу; баба, между тем, лежала навзничь подле ямы и отчаянно колотилась головою оземь.

Лицо мужика знакомо было мальчику; он знал, что мужика звали Андреем; он встречал его в селе, встречал в церкви по воскресеньям, встречал на дороге, на мельнице. Он слышал, как родные, говоря о нем, называли его всегда бедным. Все это припомнил мальчик, и вид знакомого человека в слезах и горе еще сильнее пробудил его любопытство. Но любопытство находило особенную пищу в отчаянии бабы; она билась у могилы и приговаривала нараспев:

Ох, тяжело мне... тяжело!
Ах ты, сизый голубь мой,
Ненаглядное дитяtko!..
Кто мне теперь защебещет?
Кто меня сердцем порадует?

— Полно, жена... Ох!., знамо, тяжело! Как быть!.. Власть божья!.. — говорил в то же время мужик, тяжело переводя

одышку и продолжая закапывать могилу.

– Батюшка!.. Батюшка! – голосила еще отчаяннее баба. – Ох, батюшка!.. Егорушка... дитяtko мое... белянушка!.. Засыпали твои светлые глазyшки, кормилец мой... Не воротишься уж оттоль, родной мой!.. Ох!.. Тяжко!.. Тяжко мне, горькой!..

– Полно!.. Ну, полно... Как быть... Христос с ним, – проговорил Андрей, продолжая работу и часто останавливаясь, чтобы отереть слезы, которые текли по щекам его и въедались в морщины.

Прислушиваясь к таким речам, мальчик машинально следил глазами за лопатой Андрея. Мерзлые комки земли сыпались с лопаты в могилу; она постепенно мельчала. Вот там мелькал еще уголок, куда проникал луч солнца, но земля засыпала его. И никогда уже в этот уголок не глянет солнце! Никогда также не увидит дневного света и Егорушка! Что случилось теперь с ним, так недавно еще бегавшим, кричавшим и резвившимся на улице? Впрочем, ему, верно, теплее теперь, чем отцу и матери, которых едва прикрывают лохмотья! Но зато как холодно ему будет, когда мороз насквозь прохватит рыхлую землю могилки! Как страшно будет Егорушке в глухую зимнюю ночь, когда живой человек не пройдет мимо кладбища; когда по округу рыщет только серый волк, прислушиваясь чутким ухом к лаю собак и свисту ветра... Ветер гудит в стропилах колокольни и веет из-за угла церкви сыпучий снег... Винтом крутится снег в мерз-

лом воздухе и ложится косыми полосами поперек погоста...

Такие соображения легко могли представиться воображению мальчика с бочонком за плечами, а впрочем, не ручаясь; достоверно то, что он отошел от ограды тогда только, когда Андреи засыпал могилу, поднял жену и повел ее с погоста. Мальчик возвратился на дорогу; раз или два останавливался он, чтобы посмотреть им вслед, но вдруг, как бы вспомнив о чем-то, пошел вперед по скату ускоренными шагами. Немного далее, когда совершенно уже открылся луговой скат, спускавшийся к горному уступу, мальчик увидел бабу, которая вязала пучки льна, разостланного по траве ровными рядами; за нею тотчас же показались другие бабы, занимавшиеся тою же работой. Дорога проходила мимо, и первая баба окликнула мальчика, как только он с нею поравнялся.

– Гришутка!

– Эй! – весело отозвался мальчик.

– Откуда, из села?

– Да.

– Посылали стало, зачем? – вмешалась другая молоденькая бабенка, оставляя также работу и приближаясь к мальчику. – Зачем посылали?

– Вишь, бочонок! – сказал мальчик, встряхивал своей ношей.

– Здравствуй, Гришутка! – промолвили еще две другие, выходя на дорогу, – отколь?

– Да уж сказал – из села! – возразил мальчик, – За бочонком посылали; вина хотят взять...

Что у вас, праздник, что ли? – спросили в один голос бабы.

– Сестра родила... – отвечал мальчик.

– Ой ли! Когда?..

– Ахти, касатки! – воскликнула молоденькая бабенка. – Кого родила, мальчика или девочку?..

– Мальчика...

– То-то, я чай, дядя-то Савелий возрадовался. Ась?.. Семь лет ждал внучка-то! И ты, небось, рад, Гришутка? А?.. Рад, я чай? Сам дядей стал теперича... Дядя теперь!.. Дядя!..

– То-то, касатушка, он с нами нонче и здороваться-то не хотел! – подхватила самая молоденькая, поглядывая на мальчика лукавыми глазами, – идет себе, как чуфарка какой, право! Смотреть даже не хочет... Ах ты, дядя! Дядя!.. – промолвила она, засмеявшись, и неожиданно нахлобучила ему шапку на глаза.

– Ну!.. Оставь!.. Чего ты... Полно! – закричал Гришутка, откидываясь в сторону и делая неимоверные усилия бровями, чтобы приподнять шапку на лоб.

– То-то у него щеки-то нонче как разгасились! Вишь красные да жирные какие! – подхватила другая, подскакивая к мальчику прежде, чем успел он поднять шапку, и прикладывая ладони к щекам его, которые были так свежи, что баба почувствовала свежесть даже на ладонях своих.

– Оставьте! Ну!.. Что пристали?.. Ну!.. – кричал мальчик,

тщетно стараясь освободить глаза от шапки и отбиваясь от баб, которые, радуясь случаю побаловать и посмеяться, обступили его кругом, тискали и дергали во все стороны.

— А, ну-ткась, тяжел ли бочонок-то? — говорила одна, налегая руками на посудинку и выгибая назад мальчика.

— Не пуще тяжел! — смеялась другая, дергая концы кушака, перехватывавшего плечи мальчика, и нагибал его вперед.

— Бабы, вали его наземь! Вали разбойника! — крикнула третья.

В ту же секунду несколько рук обхватили его; но чье-то плечо перекосило шапку Гришки набок, и правый глаз его освободился из мрака; это обстоятельство мигом воскресило в нем бодрость, начинавшую уже падать; он начал рваться во все стороны, работать локтями, брыкаться ногами, двигать бочонком, и прежде чем бабенки, посреди хохота и крика, успели возобновить осаду, ловко вывернулся из кружка и стремглав пустился вниз по дороге. Скачки мальчика приводили в движение старую пробку, проткнутую когда-то в бочонок, и которая лежала там, прилепившись ко дну; принимая шум прыгавшей пробки за погоню, Гришка первую минуту летел стрелою и без оглядки. Он вскоре очнулся, однако ж, и остановился, чтоб перевести дух.

— Экие ведьмы! — закричал он, быстро оборачиваясь к верхней части луговины, где стояли бабы, хохотавшие во все горло. — Право, ведьмы!.. Ведьмы! Ведьмы! — подхватил он скороговоркою и постепенно усиливая голос.

Бабы захлопали в ладоши и сделали движение, как будто пускались догонять его. Гришутка задвигал ногами и снова полетел без оглядки. Он остановился тогда уже, когда добежал почти до подошвы лугового ската и ясно увидел, что опасения его ни на чем не основывались; баб не было даже видно: лен расстился в небольшой ложине, которая делалась заметною только издали; бабы принялись, видно, опять за работу, и наклоненное положение скрывало их от взоров мальчика. Тем не менее, он счел долгом назвать их несколько раз ведьмами; облегчив себя как будто от огромной тяжести, он бодро тряхнул бочонком и начал прыгать по камням, служившим переходом через ручей; ручей бежал между подошвой пройденного лугового ската и горным обрывом, который подымался почти отвесно.

В этом месте подводы переезжали обыкновенно вброд, а дорога, перехваченная ручьем, снова показывала колеи свои между берегом и обрывом; она следовала течению ручья и шла влево. Немного погодя мальчик обогнул часть ската, и церковь в высоте предстала перед ним, обращенная другим своим фасом; обернувшись назад, он мог бы увидеть также село Ягодню, которое, с этой точки дороги, целиком почти рисовалось и смотрело своими окнами, игравшими на солнце, на небольшую долину, по которой вился ручей. Но Гришутка не думал оборачиваться. Его привлекали другие предметы; то на одном из камней усаживалась ворона и требовалось задержать шаг, подобраться к ней ближе и пугнуть ее с

места; то останавливали его внимание маленькие заводья ручья, покрытые блистающими иглами льда, не успевшего еще оттаять на солнце; нельзя же было пройти мимо, не надломив ледяной корочки, не пососав ее. Лед теперь в диковину; шутка! как давно его не было! Трудно также было утерпеть, чтобы не спихнуть камня, который висел над ручьем и, казалось, сам просился упасть в воду; или не пустить по ручью обломка древесной коры и не полюбоваться, как пойдет она вилять и прыгать между камнями, как буркнет и пропадет она в пене, сбиравшейся подле уступов, и как потом снова поплывет, следуя прихотливому изгибу.

Местами берега покрыты были кустами лозняка, который укреплялся даже кое-где посреди ручья в виде маленьких островков. Но как плачевно смотрели теперь эти островочки! Чем сильнее пронизывало их солнцем, тем заметнее выказывалась их бедность; вместо частой, непроницаемой зелени всюду торчали голые, холодно лоснящиеся прутья, перепутанные поблекшей ежевикой, засыпанные у основания листом, похожим на луковичную скорлупу и жалобно хрустевшим при самом легком ветре. Проходя мимо, Гришутка открывал иногда между прутьями серенькое пушистое гнездо; такое открытие давало ему всякий раз случай дивиться, как не заметил он его прежде, проходя тут летом. Что же была это за птица такая?.. Должно быть, крохотная какая-нибудь! И куда она теперь делась?

«Погоди, постой, лето опять придет, прилетит она опять

на прежнее место выводить яйца!...»

И мальчик, озираясь на стороны, старался заметить камень, земляной выступ, овражек против куста с гнездом, чтобы не обознаться, когда придет время прямо напасть на след.

А между тем щеки долины расходились, склоны с обеих сторон понижались, каменистый грунт заметно делался мягче и покрывался травой, по которой плавно теперь, без пены и шуму, спускался ручей. Вскоре открылись пространные луга, кой-где замкнутые лесистыми холмами. Вся эта плоскость, залитая тем же блестящим, хотя холодным сиянием, казалась совершенно гладкою; нигде не было видно деревушки. Но тут и там подымались вдалеке тонкие струйки дыма. Несколько ближе, хотя очень еще далеко, выступало строение с высокой остроконечной кровлей, которая вырезывалась синеватым треугольником под сверкающим краем горизонта. Еще ближе возносилась группа ветел; между головастыми их стволами и сквозь голые сучья мелькал на солнце бревенчатый новый амбар с лепившимися к нему избою и навесом. Ручей, откинувшись от дороги, делал два, три поворота, пропадал раза два и снова сверкал у ветел; дорога шла прямо к амбару. При виде старых ветел и амбара рассеянный, беспечный вид мальчика исчез тотчас же; он снова как будто вспомнил о чем-то и теперь уже с озабоченным и совершенно деловым видом ходко пошел вперед.

Мало-помалу не в дальнем расстоянии за ветлами пока-

зался берег реки, тянувшийся прямо к строению с высокой кровлей, мелькавшей в отдаленье. Ручей бежал к реке; но прежде чем с нее скатиться, он замыкался плотиной и наполнял небольшой пруд, обсаженный с одного бока ветлами; к тому же боку примыкал амбар, изба и плетни с навесом. В летнее время все это должно было пропадать в зелени, но теперь опавший лист позволял рассматривать два водяных колеса, прикрепленных к амбару, и под ними дощаной желоб; skeозь щели досок просачивались длинные серебристые водяные нити, между тем как с дальнего конца желоба каскадом ниспадал водяной стержень, обдававший пеной всю нижнюю часть амбара. Вода, очевидно, пущена была от избытка, потому что колеса оставались неподвижными. Пруд сверкал, как зеркало; и на незыблемой его поверхности ясно отражались стволы ветел с их прутьями, часть плетня, калитка в плетне и ярко освещенный амбар с его кровлею, обсыпанною мучной пылью; место, где вода из пруда устремлялась в желоб, представлялось неподвижною стеклянною массой; быстрота стремления выказывалась только утками, которые, как ни спешили двигать красными своими лапками, но все-таки едва плыли против течения.

Обогнув пруд (дорога проходила по той стороне пруда и упиралась прямо в ворота амбара, которые были теперь заперты), Гришутка ступил на гибкую доску, брошенную через желоб против калитки. В другое время он, конечно, не преминул бы поугадать уток, и без того уже бившихся из сил,

чтобы выплыть из стремнины; не преминул бы также остановиться посреди доски и покачаться над водою, в которой представлялся он стоявшим вверх ногами со своим бочонком, — но, надо думать, не до того теперь было. Он суетливо перешел доску, поглядел сначала в щель калитки и, приняв вдруг решительное намерение, вступил на дворик мельницы.

II. Семейная радость и приготовления

— Это ты, молодец?... Что долго так? А я думал — ноги твои быстрые; думал — духом слетаешь...

Голос этот, несколько надорванный, но снисходительный какой-то и очень мягкий, принадлежал старичку, который сидел под навесом двора верхом на обрубке бревна и работал что-то топором. Именно только такой голос и мог принадлежать этому старику; он как-то шел к нему, отвечал его кроткому, ухмыляющемуся лицу, дополнял, если можно так выразиться, то впечатление, которое производил старик с первого взгляда. Прозвучи голос его хрипло, как тупая пила в гнилом дереве, или раздайся, как из бочки, это было бы то же, как если б воробей гаркнул по-вороньему. Если хотите, старик наружным видом своим отчасти даже смахивал на воробья: те же прыткость и суeta в движениях, такой же вострый нос и быстрые глаза, те же, относительно, разумеется, личные размеры; разница сходства состояла в том собственно, что воробей весь серый, тогда как у старика серыми были одни брови; волосы его белели, как снег, и рассыпались волокнистыми, как трепленный лен, прядями по обеим сторонам маленького, но чрезвычайно умного и оживленного лица.

– Что ж так долго, а? – повторил старик, поглядывая на Гришку.

Нельзя сказать, чтобы мальчик очень смутился; он запнулся, однако ж, не нашел, что ответить и, чтобы поправиться, поспешил спустить с плеч бочонок и поставить его на вид.

– Это-то я вижу... вижу... – промолвил старик, потряхивая головою, – да был долго зачем?.., вот что...

– Бабы, дядюшка... задержали... они все...

– Какие бабы? – спросил удивленный старик.

– Лен на лугу вязали. Я иду... а они... они и давай привязываться. Я и то все в бежки... почитай, всю дорогу... ничего с ними не сделаешь!.. Озорные такие...

– Какие же это бабы?.. С чего ж бы им так-то привязываться... Ну, брат, тут что-то не ладно. Шишковато больно говоришь! Не ладно что-то, Гришуныка...

При имени «Гришуныка» неловкость мальчика мигом пропала. Он знал очень хорошо, что когда старик хотел бранить его или вообще был не в духе, то звал его всегда Гришкой, Григорием; когда же был в духе, другого названия не было, как Гришутка, Гришаха или Гришуныка. Пора было привыкнуть мальчику к таким оттенкам: он жил у старика третий год; он приходился родным братом его снохи, и старик взял его у родителей с тем, чтобы приучать исподволь к мельничному делу.

– Ну, что ж смотришь-то? а?.. – подхватил старик. – Бо-

чонок принес, ну и ладно; чего глядишь-то?.. Али что здесь в диковинку?

– Нет, дядюшка, смотрю: где ж это собаки-то наши? – возразил мальчик, к которому снова возвратилась его ветреность и рассеянность. – Собак не видать...

– Эх забота припала... собак не видать!.. А!.. Волки съели.

При этом старик ослабил беззубые свои десны и засмеялся. По всему было видно, что находится он в отличном расположении духа; веселость светилась в его глазах, проглядывала в движениях седой головы, которая самодовольно покручивалась; тесно было, казалось, веселости в груди его, и она вырывалась оттуда сама собою.

– Поди, о чем сокрушается: о собаках! Эх, паренек, паренек!.. Вот уж подлинно: молодо – зелено!.. Чем собак-то высматривать, – они, слышь, за Петрухой побежали, не пропадут, небось! – ты погляди-ка сюда лучше, сюда погляди. Со всем, почитай, уж покончил... Ну, что, хорошо ли?..

Предмет, на который указывал старик, действительно заслуживал внимания: из-под навеса, бросавшего густую тень на двор, высовывался длинный гибкий шест; в конец шеста проходило старое ржавленное кольцо, от кольца спускались четыре коротенькие веревки, которые расходились и прикреплялись концами к углам деревянной рамы, обшитой внутри посконной холстиной и представлявшей подобие неуклюжего мешка.

– Ну, какова штука-то, ась? – сказал старик, пригибая

несколько шест веревками и вдруг выпуская их из рук, причем рама и мешок начали прыгать.

– Что ж это, дядюшка? – спросил мальчик, следя за эволюциями мешка и рамы.

– А что ты думал?

– Качка?

– Хе, хе, хе!.. – залился старик. – Знамо, что качка, а не амбарный ящик. Ну, молодец, рассказывай: хорошо, что ли?

– Хорошо, дядюшка!

– Эвна! Эвна! Эвна! – произнес старик, снова приводя в движение люльку и подпираясь ладонями в бока. – Эвна! Знатно будет лежать нашему молодцу!.. Подобью еще дно войлочком, да тюфячок положим... Вот тут еще маленько веревки того... сам вижу – криво, все вправый бок забирает. И тогда повесим!.. Хорошо будет спать моему внуку и твоему племяннику, Гришутка; словно в лодочке! Не ворохнется.

Тут ухмылявшееся лицо старика сделалось вдруг серьезным; он отвернулся и склонил голову.

– Дай только господь пожить ему, сердечному... Создай такую милость, царица небесная!.. – произнес он вполголоса, крестясь медленно, с расстановкой.

Гришутка, не спускавший с него глаз, машинально снял шапку.

– Ты, Гришаха, не встречал дорогой Петра? – спросил старик, расправляя брови.

– Нет, дядюшка.

– Что-то все вы нонче как замешкались? День такой: хлопот полон рот, а они ухом не ведут... точно, право, зарок дали...

– Вот он никак, дядюшка... Вот едет! – крикнул Гришка и побежал отворять ворота, за которыми слышался шум подъехавшей телеги.

Щелкнул деревянный засов, ворота пронзительно закрипели, и в темном дне навесов открылся вдруг ярко сияющий квадрат с лошадыю на первом плане, тележкой и сидевшим в ней молодым парнем. Но прежде чем Гришка успел взять лошадь под уздцы, его чуть не сшибли с ног две собаки: одна серая, большая, похожая на волка; другая несколько меньше, черная, с желтыми зрачками, полузаслоненными шершавыми бровями, покрытая вся взъерошенными завитками, делавшими ее похожею издали на мячик, обшитый черным мохнатым бараном.

– Дядюшка дожидает, – сказал Гришка, отбиваясь одною рукою от собак, другою хватаясь за поводья.

– Да, пора бы! Давно пора! – отозвался старик с другого конца навеса.

Телега въехала на двор. Из нее вылез светло-русый малый, лет двадцати семи, среднего роста, но плотный, приземистый, дышащий силою и здоровьем. Это был сын старика и муж Гришкиной сестры. Насколько брал он против отца силой, настолько, казалось, уступал ему в расторопности,

живости и той быстрой сметке и смышленности, которая отражалась в глазах и каждой черте старика. Малый поглядывал даже несколько простаком, но, впрочем, был усердный помощник отцу, надежная, плотная опора его старости; малый он был кроткий, покойный, честный; свойства эти явно отпечатывались на его широком круглом лице, опушенном снизу бородкой, сквозь которую просвечивали толстые, добрые губы и время от времени сверкал ряд зубов белизны ослепительной.

– Что так поздно? – спросил старик, выходя к нему на встречу.

– Ничего не сделаешь, батюшка, – смиренно возразил сын, – Василья дома не было: пришлось обождать.

– Ну, что ж, купил?

– Купил, батюшка, все купил, что ты наказывал: солонины один пуд, баранины двадцать фунтов, масла и гороху на кисель...

– Много, чай, рассорил денег-то? – спросил старик, прищуриваясь.

– По той цене взял, как ты сказывал...

– Вот это хорошо!.. Эй, тетка Палагея! Подь к нам! – закричал старик, суетливо обращаясь к крылечку избы.

– Иду, кормилец, иду!.. – прохрипел голос в сенях, и появилась затем старушка со впалою грудью и лицом, сморщенным, как чернослив.

Старик взял ее из Ягодни на все время, пока лежать бу-

дет сноха его; сверх обычных хлопот по хозяйству, Палагея обязывалась за два с полтиной состряпать крестинный обед, назначенный на завтра.

– Ну, тетка Палагея, стряпня твоя приехала!.. Бери, кроши, повертывай – да в печку ставь!.. Готовы ли горшки-то?..

– Готовы, касатик!.. У нас духом-летком! Было бы из чего, родимый, – за мною дело не станет... Не смигнешь, – все представлю в твое удовольствие!.. – бодрясь, говорила старуха, подходя к телеге и принимаясь вытаскивать кулечки.

– Гришутка, полно тебе с собаками-то возиться!.. Вишь, время нашел! Подсоби тетке Палагее в избу таскать... Ты, Петруха, – присовокупил старик, понижая голос и указывая глазами на старуху, – ты за нею поглядывай... баба-то вострая; не доглядишь – и крупичи себе отсыпет, ветчинки отрежет, и маслица отольет... Хозяйке твоей, знамо, не до того теперь, – с малым возится... Ну, а у священника был?

– Был.

– Что ж он?

– Как обедня отойдет, говорит, тут и окрестим, приезжать велел.

– Ну, а к свату Силаеву и куму Дрону заезжал звать их?

– Нет, батюшка, не успел... Василий добре задержал меня с покупками... Я схожу к ним, как уберусь.

– Да, малый ты с затылком! Рази у нас одно это дело-то?.. Ну, да ладно; авось там справимся как-нибудь... Пока ты в село пойдешь, а я за вином съезжу: Гришунька бочонок при-

нес. Ну, и я без тебя не сидел скламши руки... погляди-ка поди, – примолвил старик, лодводя сына к люльке и снова приводя ее в движение: – Эвна! Эвна! Эвна как! Хорошо, что ли?

– Хорошо, батюшка... Я, батюшка, как по лугу ехал, повстречал три воза из Протасова; к нам на мельницу едут; скоро, чай, будут... Встретился также Андрей со мною...

– Какой Андрей?

– Да наш, из Ягодин... Схоронил ноне опять парнишку; последнего схоронил...

– Что ты!.. Экой горький этот мужик, право! И что за диковина такая: не стоят у него ребята да и полно! Все в одно время, почитай, решились, в одну осень нынешнюю... И бедность-то, да и горе-то... Что ж, не сказывал он, зачем шел? – заключил старик, посматривая вопросительно.

– Нет, не сказывал; никак мешок нес с рожью; должно быть, молоть идет.

– Гм! Гм! Хорошо все это, только не по времени; право, недосуг; бог с ними совсем и с возами-то! Сидишь, бывает, делать нечего, никто не едет; ноне хлопот не оберешься, – все как нарочно повалили...

– Я, батюшка, схожу пока хозяйку проведаю, – перебил сын.

– Ступай!.. Я здесь поуправлюсь... вот качку надо еще приладить... Эй, Гришунька! Эй!

– Что, дядюшка?

– Распряги лошадь, поставь ее на место, а телегу отодвинь – сейчас воза приедут!

Мальчик побежал к лошади; старик снова уселся верхом на обрубок и начал тесать колышки, предназначавшиеся для распорки рам на люльке.

Лошадь была уже распряжена, и мальчик возился с телегой, когда в светлом отверстии отворенных ворот показался Андрей, тот самый мужик, который хоронил ребенка. С первого взгляда Гришка не признал его: Андрей был очень высок ростом, но теперь, согнутый в дугу под тяжестью мешка, перекинутого через плечо, казался он маленьким человеком. На нем были те же лохмотья; к ним теперь присоединялась еще шапка, которой не было у него на кладбище. Медленным, отягченным шагом пошел он прямо к старику, шагов за пять 'снял он шапку; несмотря на холод, лоб его был совершенно мокр, и черные волосы свивались на лбу и висках.

– Бог помочь, Савелий Родионыч! – сказал он, сбрасывая мешок наземь.

– А! Здорово, брат Андрей... здорово!.. – сказал старик, насаживая топор в обрубок и вставая. – Слышал я о твоём горе, слышал! Сын сказывал! Как быть-то, брат, как быть!.. Знать, так господу богу угодно... Его, знать, воля святая, – подхватил он с сожалением. Частью также старик повел такую речь с умыслом: он не сомневался, что Андрей пришел с какою-нибудь просьбой, и хотел ему не дать на это времени; старик был «крепковат в счетах», как говорят в просто-

народье.

Андрей слушал, свесив руки и потупя голову; красивое лицо его, побледневшее от усталости, изрытое нуждою и лишениями всякого рода, выражало глубокую скорбь; но в скорби этой было что-то покорное, тихое; он, как видно, свыкся с ударами рока, не возмущался ими, и если слезы текли по ранним его морщинам, так это было совершенно против воли; не мог он никак совладать с ними.

– Да, – проговорил он с расстановкой, – да, Савелий Родионыч, господь последнего взял... Один был... и того теперь нету, сирота стал, Савелий Родионыч, как есть сирота теперь...

Он не договорил, отвернулся и отер лицо изнанком ладони.

– Да... Как быть... власть божья!.. – промолвил Савелий тоном, сквозь которой проглядывало эгоистическое чувство счастливого человека. – У тебя вот господь, творец милосердный, отнял, а мне дал! Ты ноне, Андрей, схоронил детище, а у меня ноне в ночь внучек родился! Семь лет ждал, молил господя, – не было; а теперь послал господь!.. Власть божья! Его не переспоришь... Ведь у тебя было никак всего трое ребят? Один, помнится, косинькой такой, маленечко еще на ногу припадал... нога-то с кривинкой была... Этот, что ли, помер?

– Этот, Савелий Родионыч...

– Ну, эгот, господь с ним! Обиженный был человек... Не

был бы тебе помощником... Калека был!

– Нет, Савелий Родионыч, этого мне жалче... Других хоронил, словно не так горько было!.. Косинького всех жалче, Савелий Родионыч!.. Уж так-то жалко... кажись... Пришел в избу, гляжу – нет его, нет Егорушки, вспомнил... ндо даже от сердца оторвалось у меня... Косинького всех жалче!..

– Что говорить... последний был; своя полоса мяса!.. Что говорить! – сказал Савелий, поглядывая на стороны. – Ты, брат Андрей, не серчай на меня... Ей-богу, некогда... недосуг нонче... У нас ноне хлопот-то и-и-и!..

– Я за делом к тебе, Савелий Родионыч...

– Гм! Какое же твое дело?.. Коли можно...

– Да помолоть пришел... один мешок всего...

– Ну, что ж, засыпай!..

– Только... нельзя ли как-нибудь, Савелий Родионыч... Как перед истинным богом говорю: нет у меня ничего... от похорон гроша не осталось... за помол отдать нечего...

Савелий поморщился и почесал затылок.

– Сделай целость, Савелий Родионыч!.. Право, на хлебец, на один хлебец муки нет...

Савелий смотрел в землю и пожимал губами.

– Дядюшка, к нам возы едут! Три воза! – крикнул Гришка, стоявший в воротах.

– Вишь, тебе господь бог посылает, Савелий Родионыч! – вымолвил Андрей.

– Н... ну бог с тобой! Засыпай! Ступай только скорее, по-

ка те не подъехали, – сказал старикашка, приняв снова свой добродушный вид. – Гришутка, отцепи колесо поди, – у первой снасти!..

Минуты две спустя внутри амбара слышалось шипенье жернова, который вскоре разошелся и пошел порхать, посылая из амбарной двери легкие клубы мучной пыли.

– Петрунька, – сказал Савелий, останавливая сына после того, как возы въехали на двор, установились и пущена была в ход вторая снасть, – как же нам, слышь, быть теперь?

– Что ж, батюшка?

– Ты идешь в село теперь на крестины звать; может, там опять промешкаешь; до вечера, может, пробудешь; дни теперь короткие... Тут вот эти, прости господи, приехали! – прибавил он, указывая глазами на подводы, – мне от них отойти нельзя никак. А кто же теперь за вином-то поедет?..

– Пошли, батюшка, Гришку, – он съездит!

Старик пожал губами и покачал головою.

– Что ж такое? – продолжал сын. – Разве мудрость какая! Подал деньги целовальнику – и все тут; бочонок ведь ведерный, обмерить нельзя: дело все на виду...

– На виду-то, на виду... Оно так... Да малый-то... думается, того... Ну, да ладно, ступай!.. – произнес Савелий, одумавшись. – Эй, Гришка, – крикнул он, когда Петр исчез в воротах, – поди запрягай лошадь; смотри только, как дугу надевать станешь, мне скажи, сам не затягивай...

– Дай я подсоблю ему, – сказал Андрей, выходя из амба-

ра, – мне пока делать нечего.

Он пошел навстречу мальчику, который вел уже лошадь. Когда подвода была готова, Савелий велел Гришке надеть шубенку и взять шапку. Тот вытаращил сначала удивленные глаза; но потом, как будто вместе с этим приказанием соединилось для него великое счастье, полетел в избу и разом даже перескочил через все ступеньки крылечка.

– Посылать его хочешь? – спросил Андрей.

– Да, вина взять па завтра, – возразил Савелий, запуская с озабоченным видом руку за пазуху и вынимая оттуда кожаный кошель. – Что это, как вино стало у нас ноне дорого! Четыре целковых за ведро... Виданное ли это дело!.. И добро бы вино-то было хорошее, спорое... а то леший их знает, прости господи, чего туда подливают, разбойники!.. Бывало, два с полтиной платили; теперь хуже стало, а все четыре целковых отдай... Беда да и только!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.